

БИЗНЕС В ДЕПУТАТСКОМ КОРПУСЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

ВАК: 08.00.13, 23.00.02

ГРНТИ: 06.35.51, 11.15.17

Р.С. Мухаметов

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
AuthorID: 538787

К.О. Серозеев

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

АННОТАЦИЯ:

Цель настоящей статьи состоит в определении состава представительных органов муниципальных образований и места в депутатском корпусе представителей бизнес-сообщества. В работе сформулированы исследовательские вопросы о том, какова доля представителей бизнес-сообщества в депутатском корпусе; какие факторы влияют на уровень представленности бизнеса в городских думах; являются ли муниципальные депутаты-выходцы из бизнеса консолидированной группой и от чего это зависит.

Теоретико-методологическими рамками статьи выступила концепция «захвата государства», предложенная экспертами Всемирного банка Дж. Хельманом, Г. Джонсоном и Д. Кауфманом.

Эмпирической основой исследования послужила биографическая база данных местных депутатов. Источником биографических сведений выступили официальные сайты представительных органов муниципальных образований Свердловской области. Общая выборка составила 40 муниципалитетов. Источником данных по муниципальным образованиям стали официальные сайты местных администраций. Список моногородов Среднего Урала представлен на официальном сайте регионального Министерства инвестиций и развития. Методом анализа количественных данных были статистические методы, в том числе и метод множественной линейной регрессии. Статистические расчеты производились в программе *SPSS Statistics*.

Показано, что представители коммерческих организаций составляют около 40 % от общей численности муниципальных депутатов. Автор пришел к выводу, что уровень экономического развития муниципалитетов не влияет на степень представленности выходцев из коммерческих структур. В статье отмечено, что значимым фактором выступает наличие градообразующего предприятия в муниципальном образовании. Подчеркивается, что не является гарантией «захвата» гордумы наличие ни абсолютного большинства депутатов-предпринимателей, ни простое присутствие градообразующего предприятия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: захват государства, бизнес, муниципальные депутаты, гордумы, муниципальные образования.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Руслан Салихович Мухаметов — кандидат политических наук, доцент; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); muhametov.ru@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5175-8300.

Константин Олегович Серозеев – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); serozeevkonstantin@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мухаметов Р.С., Серозеев К.О. (2021). Бизнес в депутатском корпусе муниципальных образований (на примере Свердловской области) // Муниципалитет: экономика и управление. № 2 (35). С. 53–62.

Введение

Представительный орган муниципального образования является одним из органов местного самоуправления (МСУ). В его компетенцию входит «принятие устава города и поправок к нему; утверждение местного бюджета и отчета о его исполнении; установление, изменение и отмена местных налогов и сборов; утверждение стратегии социально-экономического развития; определение порядка управления и распоряжения муниципальным имуществом; контроль за исполнением решений органами МСУ и должностными лицами; принятие решения об удалении главы муниципального образования в отставку» [1]. Несмотря на вышеперечисленный список полномочий, в научной литературе отмечается, что городские думы уступают по политическому влиянию местной администрации [2, с. 90–91]. Хотя представительные органы МСУ и выполняют второстепенную роль в локальной политической жизни, изучение муниципальных legislatures остается актуальным направлением политической науки в целом и политической регионалистики в частности [3, с. 116].

Городские думы представляют и выражают интересы различных групп местных сообществ. К часто встречающимся группам, как правило, относят предпринимателей, работников бюджетной сферы, общественников и т.д. Наиболее активной группой выступают представители бизнес-сообщества. Какова их доля в депутатском корпусе? Какие факторы влияют на уровень представленности бизнеса в городских думах? Являются муниципальные депутаты-выходцы из бизнеса консолидированной группой и от чего это зависит? Цель настоящей статьи – предложить ответы на эти исследовательские вопросы.

Структура работы представлена следующим образом. Первая часть посвящена раскрытию теоретико-методологической основы

исследования. Во второй части представлены методы исследования, а также источники данных. Результаты работы и их обсуждение происходит в третьем разделе. Наконец, основные выводы раскрываются в четвертой части.

Теоретические рамки исследования

Концептуальной основой данной работы выступает концепция «захвата государства» (англ. *«capture state»*). Фраза «захват государства», впервые использованная Всемирным банком около двух десятилетий назад для описания ситуации в странах Центральной Азии, совершающих переход от советского коммунизма, стал достаточно популярным как инструмент описания многих общественно-политических ситуаций. Эксперты, изучающие этот феномен, определили «захват государства» как ситуацию, в которой политические решения принимаются в угоду конкретным интересам, возможно, даже через незаконные и непрозрачные частные платежи государственным чиновникам, а не в угоду общенациональным интересам [4]. «Захват государства» происходит тогда, когда основные правила игры определяются партикуляристскими интересами, а не общественными интересами. Под «захватом государства» понимаются действия отдельных лиц, групп или фирм как в государственном, так и в частном секторах, направленные на то, чтобы повлиять на формирование законов, постановлений, декретов и другой государственной политики в своих собственных интересах в результате незаконного и непрозрачного предоставления частных выгод государственным должностным лицам [5, с. 13]. Все формы государственного захвата направлены на извлечение ренты путем искажения базовой нормативно-правовой базы с потенциально огромными потерями для общества в целом. Необходимо отметить, что термин «захват государства» применяется не только к захвату государства частными фир-

мами, но и к случаям, когда высокопоставленные государственные чиновники «захватывают» прибыльные частные фирмы, распределяя их активы или высшие управленческие должности политическим союзникам [6]. В первом случае «захват государства» происходит, когда правящая элита и (или) влиятельные бизнесмены манипулируют формированием политики и влияют на формирующиеся правила игры (включая законы и экономические правила) в своих собственных интересах.

Начало разработке данной концепции было положено Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. В их понимании при капиталистической общественно-экономической формации государственная власть выражает интересы господствующего класса (буржуазии). Маркс и Энгельс рассматривали в своих трудах (буржуазное) государство как «комитет по управлению общими делами всей буржуазии».

«Захват государства» является одной из наиболее распространенных форм коррупции, когда компании, учреждения или влиятельные лица используют коррупцию, такую как покупка законов, поправок, указов или приговоров, а также незаконные взносы в политические партии и кандидатов, чтобы влиять и формировать политику страны, правовую среду и экономику в соответствии со своими собственными интересами. «Захват государства» рассматривается как форма грандиозной коррупции, которая включает в себя действия отдельных лиц, групп или фирмы, как в государственном, так и в частном секторах, которые способны влиять на формирование законов, постановлений, указов и другие правительственные источники в своих интересах, в результате незаконных и непрозрачных положений частные выгоды для государственных служащих.

Главный риск «захвата государства» состоит в том, что решения больше не учитывают общественные интересы, а отдают предпочтение определенной группе. Законы, политика и нормативные акты разрабатываются в интересах конкретной группы интересов, зачастую в ущерб более мелким фирмам, группам и обществу в целом. «Захват государства» происходит, когда государственные функции модифицируются в угоду партикулярным интересам. Например, когда регулирующий госу-

дарственный агент, назначенный действовать в защиту общественных интересов, действует вместо этого в интересах группы фирм или отраслей, тогда государство оказывается в плену [7]. Когда государство захвачено, оно действует как транспортное средство для узкого круга частных интересов. Конечный эффект «захвата государства» заключается в существовании законов и нормативных актов, которые нарушают два основных принципа:

1) нейтральное отношение по отношению к отдельным лицам, группам и интересам в обществе, когда осуществление государственной власти;

2) равенство отдельных лиц и интересов в обществе (отсутствие привилегий) [8].

Нарушение этих правил создает дифференцированные привилегии, которые благоприятствуют отдельным лицам и интересам посредством законов за счет других.

Классическая теория «захвата государства» предполагает, что главными агентами являются корпорации, внешние по отношению к государству. Активной стороной («захватчиками») являются хозяйствующие субъекты, использующие различные формы коррупции для воздействия на законодательство, затрагивающее предпринимательский сектор и другие социальные сферы и реализация законодательства и правил в порядке чтобы получить привилегированный статус. «Фирмы-похитители» — компании, которые использовали предоставление частных льгот государственным должностным лицам для оказания влияния на законы, политику, правила или нормативные акты в своих интересах. Иными словами, это фирмы, которые делают частные платежи государственным чиновникам, чтобы повлиять на правила игры. «Похитителями» могут быть определенные группы фирм, в том числе и иностранные [9]. Изначальное определение «банановой республики» — небольшое нестабильное государство третьего мира, основной экспорт которого контролировался иностранной компанией. Гондурас был первым прототипом [10].

Однако государственные захватчики могут быть и другими секционными интересами, а не только коммерческими акторами. Существует еще один вид «захватчика», который развива-

ется в системах доминирующих партий: деловые интересы политических партий [11].

Поскольку «похитители» занимаются формулированием или толкованием законов, правил или предписаний, то обычно объектом нападения становятся законодательные, исполнительные, судебные и регулирующие органы. Таким образом, «захват государства» может осуществить либо фирма (корпоративное государство), либо партия (партия-государство) [12].

Большая часть литературы по этой теме указывает на институциональную слабость как на одно из основных объяснительных условий захвата государства на макроуровне. Государства с большей вероятностью будут захвачены, когда государственные (политические) институты слабы или неэффективны. Феномен «захвата государства» процветает там, где экономическая мощь сильно сконцентрирована, а социальные интересы и формальные каналы политического влияния и посредничества интересов слабо развиты [13].

Переменные, источники данных и методы исследования

После определения теоретической рамки исследования представляется необходимым раскрыть дизайн исследования.

Рабочие гипотезы можно сформулировать следующим образом:

Гипотеза 1. Доля представителей бизнес-сообщества выше в представительных органах экономически развитых городов;

Гипотеза 2. Доля представителей бизнес-сообщества выше в представительных органах моногородов.

Переменные. Зависимая переменная (BISMAN) операционализована через процент выходцев из коммерческих организаций в депутатском корпусе муниципалитетов. В настоящей работе мы обозначим две независимых переменных. Экономическая развитость муниципальных образований (переменная «BUDGET») выражена через доходы (в млн. рублей) местного бюджета. Такая независимая переменная, как моногород (MONOCITY), была операционализована следующим образом: если муниципальное образование

является моногородом, то переменная получает значение 1, если нет, то 0.

В качестве объекта исследования был выбран муниципальный депутатский корпус. Географические рамки ограничены Свердловской областью, на территории которой расположено 94 муниципальных образования, из них 68 – городские округа, 5 муниципальных районов и 21 поселение.

Эмпирической основой исследования служит биографическая база данных местных депутатов, которая составлялась в феврале 2021 г. Источником биографических сведений выступили официальные сайты представительных органов муниципальных образований Среднего Урала. В силу того, что не на всех вышеназванных сайтах содержатся биографические данные депутатов в целом и материалы об их трудовой деятельности в частности, то общая выборка составила 40 муниципалитетов (все являются городскими округами). Источником данных по муниципальным бюджетам (за 2020 год) стали официальные сайты местных администраций. Источником перечня монопрофильных муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, выступил официальный сайт регионального Министерства инвестиций и развития¹.

Методом анализа количественных данных были статистические методы, в том числе и метод множественной линейной регрессии. Статистические расчеты производились в прикладной программе по обработке данных SPSS Statistics. Описательная статистика представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Описательная статистика

Переменные	Среднее значение	Медиана	min	max
BISMAN	41,195	40,8	0	90
BUDGET	3 355,325	1 495	220	52 021
MONOCITY	0,410	0	0	1

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ биографий (трудовой деятельности в частности) депутатов представительных органов муниципальных образований Свердловской области показывает, что доля представителей коммерческих организаций состав-

¹<http://mir.midural.ru/monoprofilnye-municipalnye-obrazovaniya-v-sverdlovskoy-oblasti>.

ляет 41,195 % (медиана — 40,8 %) от общей численности депутатов. Разброс значений значительный: большинство представителей бизнес-сообщества (90 %) в думе Верхней Пышмы, 0 % — в гордуме ЗАТО Свободный.

По уровню плутократизации 40 % выходцев из бизнеса в составе представительных органов муниципалитетов — много или мало? Ответ на этот вопрос можно получить путем сравнения с другими политическими институтами. В федеральном парламенте (Госдуме) бизнес представлен шире, чем в гордумах. По расчетам экспертов, примерно половина депутатов шестого созыва имела опыт работы на ключевых должностях в экономических структурах после 1991 г., а при учете депутатов, которые в постсоветское время были крупными совладельцами фирм, то доля выходцев из бизнеса достигнет 56 % [14]. Тогда возникает вопрос, связанный с причинами разницы уровня представленности, а именно: почему в городских думах руководителей фирм и топ-менеджеров крупных предприятий, наемных работников из коммерческих структур меньше, чем в федеральном парламенте? С нашей точки зрения, этому существует два объяснения. Во-первых, финансовые ресурсы, необходимые для участия в муниципальных выборах, значительно меньше, что открывает больше возможностей для широкого круга граждан реализовать свое активное избирательное право. Так, предельная сумма всех расходов избирательного фонда кандидата, который баллотируется по одномандатному округу в Госдуму, не может превышать 40 млн. рублей, а в представительный орган муниципального образования (по Свердловской области) составляет при численности избирателей не более 15 тыс. чел. — 800 тыс. руб., 15—50 тыс. чел. — 2 млн. руб., 50—100 тыс. чел. — 4 млн. руб. и т.д. [15]. Второе объяснение связано с тем, что думские выборы проходят (т.е. половина депутатов избирается) по одномандатным округам, в то время как муниципальные выборы проходят по многомандатным округам (см. табл. 2). Средняя величина избирательного округа, который применяется на выборах дум поселений, составляет 8,2 (т.е. 8-мандатный округ), а дум городского округа — 3,3 (речь идет о 3-мандатном округе).

Таблица 2 — Распределение избирательных округов по числу избираемых мандатов

Число мандатов	Избирательные округа	
	Поселения	Городск. округа
11	1	0
10	12	1
8	1	0
5	7	22
4	0	12
3	0	13
2	0	2
1	0	22
Средн. знач.	8,2	3,3
Медиана	10	3,5

Широкое присутствие бизнеса объясняется рядом факторов, главным из которых является то, что депутатский мандат облегчает доступ к государственным или муниципальным служащим, а также дает возможность участвовать в законотворческом процессе в интересах фирмы, отрасли в частности и бизнеса в целом [14]. Иными словами, парламент может выступать «окном возможностей», которые использует предприниматель с депутатским мандатом для развития собственного бизнеса, а депутатский статус — «входной билет» в мир политики, открывающий новые возможности. Представительные органы для экономических агентов выступают в качестве пространств коммуникации. Среди ресурсов, доступных депутату, предпринимателя больше всего привлекает широта коммуникативных возможностей. Наличие мандата позволяет экономическому агенту эффективно решать обострившуюся проблему доступа к лицам, принимающим хозяйственные решения. Они используют возможности не только для «защиты» бизнеса от реальных и потенциальных опасностей, но и для «нападения» на конкурентов [16]. Прямое участие предпринимателей в политике через избрание в состав дум можно оценивать как стратегию защиты реализации прав собственности и обеспечения интересов бизнеса [17].

Следующим шагом нашей работы является определение детерминант, которые влияют на уровень представленности бизнеса в городских думах. Итоги эмпирического анализа представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Результаты множественной линейной регрессии ($n = 40$)

Переменные	Нестандартизированные коэффициенты		Стандартизированные коэффициенты	t	Значимость
	B	Стандартная ошибка	Beta		
BUDGET	0,000	0,000	0,169	1,219	0,230
MONOCITY	18,065	4,799	0,521	3,765	0,001
Constanta	32,331	3,299		9,799	0,000

R-квадрат – 0,293

Таблица 4 – Выходцы из коммерческих организаций в представительных органах муниципальных образований Свердловской области (в %)

Моногорода	Доля представителей в общей численности депутатов	
	бизнеса	градообразующего предприятия
Асбест	60	40
Верхняя Салда	68,75	68,75
Верхняя Пышма	90	45
Верхняя Тура	33,3	0
Волчанский	20	10
Каменск-Уральский	64	44
Карпинск	11,7	0
Красноуральск	46,6	33,3
Нижний Тагил	46,4	28,5
Нижняя Салда	35,7	35,7
Пельым	46,6	35,7
Первоуральск	64	36
Полевской	60	35
Североуральск	60	30
Серов	52	33,3

Как видно из таблицы 3, уровень экономического развития муниципалитетов не оказывает влияния на степень представленности выходцев из коммерческих организаций. В то же самое время видно, что фактор наличия градообразующего предприятия в муниципальном образовании является значимым: увеличение на одно градообразующее предприятие в муниципалитете влечет рост представителей бизнес-сообщества среди местного депутатского корпуса на 18 %.

Одним из условий «захвата государства» выступает наличие консолидированной силы. Если говорить о «захвате» муниципальной думы депутатами-бизнесменами, то многое зависит от специфики городской экономики (см. табл. 4).

Из таблицы 4 видно, что необходимым условием наличия консолидированной группы депутатов-бизнесменов является существование градообразующего предприятия, выход-

цы из которого могут составить не только большинство среди этой разновидности местных народных избранников, но и в целом. В нескольких муниципальных образованиях (например, Верхняя и Нижняя Салда) все депутаты-бизнесмены являются выходцами из градообразующих предприятий. Важно подчеркнуть, что само наличие градообразующего предприятия не является гарантией «захвата» гордумы. Как отмечают политологи, степень его участия или неучастия в локальной политике зависит от целого ряда факторов. Одни исследователи в качестве таких детерминант выделяют «происхождение» топ-менеджера предприятия («местный» / «варяг»), статус собственника предприятия (государственная компания / негосударственная компания) и локализация контроля над предприятием («местный» / «варяг») [18]. Другие говорят как об экономическом и финансовом положении предприятия, так и ставят в зависимость от личностных качеств и стратегических установок директорского корпуса [19].

Необходимо отметить, что даже высокая доля выходцев из бизнеса в депутатском корпусе сама по себе не является достаточным условием для «захвата», т.к. депутаты-бизнесмены могут представлять самые разные коммерческие структуры (см. табл. 5).

В таблице показано, что, несмотря на абсолютное большинство представителей из бизнеса в трех из четырех созывов гордумы уральской столицы, говорить, что гордума уральской столицы «захвачена» консолидированной группой и выражает их партикулярные интересы трудно. Как было показано выше, дифференцированная экономика города этому не способствует, для этого нужно наличие крупного предприятия (это необходимое, но недостаточное условие).

Таблица 5 – Распределение депутатов-выходцев из бизнеса Екатеринбургской гордумы по сферам деятельности

Сферы бизнеса	Год			
	2018	2013	2009	2005
ЖКХ	1	1	1	1
Торговля и общепит	2	5	5	8
Кредит и финансы	1	1	2	2
Медобслуживание, здоровье	0	3	0	0
Юридические услуги	2	1	0	0
Строительство, девелопмент	4	6	2	0
Материально-техническое обслуживание	4	1	7	5
Промышленность	0	3	1	1
Сельское хозяйство	1	1	1	0
Иное	1	0	3	1
ИТОГО:	16 (44,4 %)	22 (61,0 %)	22 (62,8 %)	18 (51,4 %)

Заключение

Целью настоящей работы было стремление изучить уровень представленности выходцев из коммерческих структур в представительных органах муниципальных образований, а также определить факторы, которые оказывают влияние на это. Исследования показали, что их доля составляет чуть более 40 % от общей численности местных депутатов. В сравнении с Госдумой вышеназванный уровень ниже. Результаты эмпирического анализа, проведенного в рамках настоящего исследования, говорят, что уровень экономического развития муниципалитетов не влияет на степень представленности выходцев из коммерческих структур. Значимым фактором, который оказывает воздействие, выступает наличие градообразующего предприятия в муниципальном образовании. Регрессионный анализ по-

казал, что увеличение на одно градообразующее предприятие влечет рост представитель бизнес-сообщества среди местного депутатского корпуса на 18 %. Необходимо отметить, что абсолютное большинство представителей из бизнеса среди муниципальных депутатов не гарантирует «захвата» представительного органа, т.к. они могут элементарно представлять различные коммерческие организации. По итогам исследования мы пришли к выводу, что необходимым (но не достаточным) условием наличия консолидированной группы депутатов-бизнесменов является существование градообразующего предприятия, выходцы из которого могут составить не только большинство среди этой разновидности местных народных избранников, но и в целом. В то же время само наличие градообразующего предприятия не является гарантией «захвата» гордумы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об общих принципах организации местного самоуправления : Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901876063>.
2. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. (2014). Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. Политические исследования. № 2. С. 88–105. DOI: 10.17976/jpps/2014.02.07.
3. Витковская Т.Б. (2015). Легислатуры в малых городах Пермского края: состав и уровень компетенций // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. № 3. С. 116–126. DOI: 10.17072/2218-1067-2015-3-116-126.
4. Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D. (2000). Seize the state, seize the day: State capture, corruption, and influence in transition. The World Bank. URL: https://www.researchgate.net/publication/23722386_Seize_the_State_Seize_the_Day_State_Capture_Corruption_and_Influence_in_Transition.
5. Lodge T. (2018). State capture: Conceptual considerations. In: Meirotti M., Masterson G. (eds.) State Capture in Africa: Old Threats, New Packaging. EISA. Pp. 13–28.
6. Stoyanov A. (2019). State Capture: from theory to Piloting a Measurement Methodology. URL: <https://www.researchgate.net/publication/33921>

4033_STATE_CAPTURE_FROM_THEORY_TO_PILOTING_A_MEASUREMENT_METHODOLOGY/citations.

7. Hellman J., Jones G., Kaufmann D. (2003). Seize the State, Seize the Day: State Capture and Influence in Transition Economies, *Journal of Comparative Economics*, vol. 31, no. 4, pp. 751–773. DOI: 10.1016/j.jce.2003.09.006.

8. Grzymala-Busse A. (2008). Beyond Clientelism: Incumbent State Capture and State Formation, *Comparative Political Studies*, vol. 41, no. 4-5, pp. 638–673. DOI: 10.1177/0010414007313118.

9. Begović B. (2005). Corruption, Lobbying and State Capture. CLDS Working Paper no. 0106.

10. Dal Bó E. (2006). Regulatory Capture: A Review, *Oxford Review of Economic Policy*, vol. 22, no. 2, pp. 203–225. DOI: 10.1093/oxrep/grj013.

11. Edwards D. (2017). Corruption and state capture under two regimes in Guyana, Working Paper, University of West Indies, Cave Hill, Barbados.

12. Southall R. (2018). What's new about 'state capture'? In: Meirotti M., Masterson G. (eds.) *State Capture in Africa: Old Threats, New Packaging*. EISA. Pp. 29–43.

13. Innes A. (2014). The Political Economy of State Capture in Central Europe, *Journal of Com-*

mon Market Studies, vol. 52, no. 1, pp. 88–104. DOI: 10.1111/jcms.12079.

14. Тев Д.В. (2017). Государственная дума РФ шестого созыва: социально-профессиональные характеристики бассейна рекрутирования // *Власть и элиты* / Гл. ред. А. В. Дука. Т. 4. СПб. : Интерсоцис, С. 76–154.

15. Избирательный кодекс Свердловской области от 23.04.2003 (в посл. ред.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/802002042>.

16. Сакаева М.М. (2012). Парламент как «окно возможностей»: исследование поведения предпринимателей с депутатским мандатом в ходе реализации рыночных интересов // *Экономическая социология*. Т. 13. № 3. С. 96–122.

17. Сакаева М.М. (2014). Политическое участие малого бизнеса как стратегия защиты собственности в российских регионах // *Terra Economicus*. Т. 12. № 3. С. 152–161.

18. Филиппова Е.Ю., Рябова О.А. (2018). Градообразующие предприятия в политическом пространстве промышленных городов Урала: вариативность включенности // *Вестник Пермского научного центра УрО РАН*. № 4. С. 81–86.

19. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Рябова О.А. (2020). Моногорода Среднего Урала: власть, лидерство, эффективность // *Власть и элиты*. Т. 7. № 1. С. 123–162. DOI: 10.31119/pe.2020.7.1.5.

BUSINESS IN THE DEPUTY CORPS OF MUNICIPALITIES (EXEMPLIFIED BY THE SVERDLOVSK REGION)

R.S. Mukhametov

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

K.O. Serozееv

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT:

The purpose of the given article is to determine the representative bodies composition of municipalities and the place of the business community representatives in the deputy corps. The paper formulates research issues about the share of the business community representatives in the deputy corps; factors influencing the level of business representation in the city councils; whether the municipal deputies who come from business are a consolidated group and what it depends on.

The "state capture" concept, proposed by J. Helman, G. Johnson and D. Kaufman, the World Bank experts, made the theoretical and methodological framework of the article.

The empirical basis of the research was the biographical database of local deputies. The source of biographical information was the official websites of the representative bodies of the municipalities of the Sverdlovsk region. The total sample was 40 municipalities. The data source for municipalities was the official websites of local administrations. The list of monocities of the Middle Urals is provided on the official website of the regional Ministry of Investment and Development. The quantitative data analysis method was the statistical methods, including the multiple linear regression method. The statistical calculations were made with SPSS Statistics software.

It is shown that the commercial organizations representatives make up about 40 % of the total number of municipal deputies. The author came to the conclusion that the economic development level of municipalities does not affect the representation degree of people from commercial structures. The paper notes that the presence of a city-forming enterprise in the municipality is a key factor. It is emphasized that neither an absolute majority of deputies-entrepreneurs, nor the mere presence of a city-forming enterprise is a guarantee of a city council "capture".

KEYWORDS: state capture, business, municipal deputies, city councils, municipalities.

AUTHORS' INFORMATION:

Ruslan S. Mukhametov – Ph.D. of Political Sciences, Associate Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); muhametov.ru@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5175-8300.

Konstantin O. Serozееv – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); serozeevkonstantin@gmail.com.

FOR CITATION: Mukhametov R.S., Serozееv K.O. (2021). Business in the deputy corps of municipalities (exemplified by the Sverdlovsk region), *Municipality: Economics and Management*, no. 2 (35), pp. 53–62.

REFERENCES

1. On the general principles of the organization of local self-government. Federal Law No. 131-FZ dated 06.10.2003. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901876063>.
2. Chirikova A.E., Ledyayev V.G., Seltser D.G. (2014). Power in the Small Russian city: configuration and interaction of the main actors, *Polis. Political research*, no. 2, pp. 88–105. DOI: 10.17976/jpps/2014.02.07.
3. Vitkovskaya T.B. (2015). Leisure in small towns of Perm Territory: Composition and level of competencies, *Bulletin of the Perm University. Series: Political Science*, no. 3, pp. 116–126. DOI: 10.17072/2218-1067-2015-3-116-126.
4. Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D. (2000). Seize the state, seize the day: State capture, corruption, and influence in transition. The World Bank. URL: https://www.researchgate.net/publication/23722386_Seize_the_State_Seize_the_Day_State_Capture_Corruption_and_Influence_in_Transition.
5. Lodge T. (2018). State capture: Conceptual considerations. In: Meirotti M., Masterson G. (eds.) *State Capture in Africa: Old Threats, New Packaging*. EISA. Pp. 13–28.
6. Stoyanov A. (2019). State Capture: from theory to Piloting a Measurement Methodology. URL: https://www.researchgate.net/publication/339214033_STATE_CAPTURE_FROM_THEORY_TO_PILOTING_A_MEASUREMENT_METHODODOLOGY/citations.
7. Hellman J., Jones G., Kaufmann D. (2003). Seize the State, Seize the Day: State Capture and Influence in Transition Economies, *Journal of Comparative Economics*, vol. 31, no. 4, pp. 751–773. DOI: 10.1016/j.jce.2003.09.006.
8. Grzymala-Busse A. (2008). Beyond Clientelism: Incumbent State Capture and State Formation, *Comparative Political Studies*, vol. 41, no. 4-5, pp. 638–673. DOI: 10.1177/0010414007313118.
9. Begović B. (2005). Corruption, Lobbying and State Capture. CLDS Working Paper no. 0106.
10. Dal Bó E. (2006). Regulatory Capture: A Review, *Oxford Review of Economic Policy*,

vol. 22, no. 2, pp. 203–225. DOI: 10.1093/oxrep/grj013.

11. Edwards D. (2017). Corruption and state capture under two regimes in Guyana, Working Paper, University of West Indies, Cave Hill, Barbados.

12. Southall R. (2018). What's new about 'state capture'? In: Meirotti M., Masterson G. (eds.) *State Capture in Africa: Old Threats, New Packaging*. EISA. Pp. 29–43.

13. Innes A. (2014). The Political Economy of State Capture in Central Europe, *Journal of Common Market Studies*, vol. 52, no. 1, pp. 88–104. DOI: 10.1111/jcms.12079.

14. Tev D.V. (2017). State Duma of the Russian Federation of the Sixth Convocation: Socio-Professional Characteristics of Recruitment Basin, *Power and Elite*, vol. 4. Saint Petersburg. Intersociis. Pp. 76–154.

15. Electoral Code of the Sverdlovsk Region

dated 23.04.2003 (in the last. ed.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/802002042>.

16. Sakaeva M.M. (2012). Parliament as a “window of opportunity”: a study of the behavior of entrepreneurs with a deputy mandate in the implementation of market interests, *Economic sociology*, vol. 13, no. 3, pp. 96–122.

17. Sakaeva M.M. (2014). Political participation of small businesses as a property protection strategy in Russian regions, *Terra Economicus*, vol. 12, no. 3, pp. 152–161.

18. Filippova E.Yu., Ryabova O.A. (2018). City-forming enterprises in the political space of industrial cities of the Urals: Inclusion variability, *Bulletin of the Perm Scientific Center of the Ural Branch of the RAS*, no. 4, pp. 81–86.

19. Chirikova A.E., Ledyayev V.G., Ryabova O.A. (2020). Monocities of the Middle Urals: power, leadership, efficiency, *Power and elite*, vol. 7, no. 1, pp. 123–162. DOI: 10.31119/pe.2020.7.1.5.